

Сентиментальный роман

Первый раз я увидел ее в коридоре ИМОПа — Института международных образовательных программ. Есть такой при нашем Санкт-Петербургском политехническом университете. Там учатся много иностранцев из разных стран. Она шла навстречу. Я не мог оторвать от нее взгляда и в то же время жмурился, словно смотрел на солнце.

В ней было красиво все: цвет кожи медно-розовый, зеленые глаза, темно-рыжие волосы с блеском и совершенно удивительная походка, так могут ходить только очень красивые женщины. Заметив, что я смотрю на нее, она улыбнулась, и тут я пропал окончательно и бесповоротно.

На следующий день я снова бегал по коридору ИМОПа. Я боялся пропустить ее и битый час шатался туда и обратно, но так и не встретил ее. Дальше я уже не пропускал ни одного дня, чтобы не прочесать раз 20–30 имоповский коридор. И мне, как правило, везло.

Вечером я обратился к Ваське, моему соседу по комнате в общежитии. Он хороший парень, но девочки его совершенно не интересуют. Его интересуют только шагающие манипуляторы и больше ничего на свете. О девочках с ним лучше не разговаривать. Но я все-таки к нему подъехал. О ее красоте с ним говорить напрасный труд. Он хорошо понимает, какой робот красивый, но совсем не понимает, какая девушка красивая.

У самого Васьки белобрысые волосы стоят в разных направлениях. Бреется он, когда успевает, то есть практически никогда. Редкая щетина делает его похожим в лучшем случае на бомжа.

Но есть в моем Ваське и что-то такое, за что его все ребята любят и к нам в комнату заходят по разнообразным делам. Всем он чего-то помогает, и мне, конечно, тоже. Вот я его и попросил: узнай про девушку из ИМОПа. И стал ему рассказывать, какая она необыкновен-

ная. Он сразу догадался, о ком я спрашиваю. Как я понял, он уже кое-что о ней знал.

Васька, влюбленный в свои манипуляторы и не признающий никаких «фиглей-миглей», в серьезных делах был на редкость обязательный. Я только боялся, что мое дело он не сочтет за серьезное. Но на другой день он сообщил мне много интересного, если все это он не сочинил сам. «Твоя имопша, — сказал он, — языковой феномен».

— Чего, чего?

— Все в один голос говорят о ее потрясающих способностях к языкам. Джон сказал, что он садился в читалке рядом с ней, чтобы понять, как она колдует.

Я знал, что Васька все годы учебы в университете мечтает в совершенстве изучить три иностранных языка. Теперь он сказал: «У нее должно быть есть своя система запоминания. Методика особая. Ты бы вот познакомился и поинтересовался». Я разозлился: ты познакомься и выспрашивай! Но он не обиделся.

— А Костя, ну тот, из компьютерного центра, — продолжал Васька, — сказал, что она потрясающе быстро для девушки из джунглей освоила компьютер.

Я так и подскочил: — Из каких джунглей?!

— А что?

— Ну где сейчас джунгли?

— Не знаю, может, в Австралии или на берегах Миссисипи...

— Зачем ей там компьютер? Может, ей и манипулятор твой космический пригодится?

— Ну ты, ей-богу же, ну! — защищался Васька. — Это индианка...

— Индианка с берегов Миссисипи?

— Ну индуска ... или как там, индейка, что ли?

— Это ты, видно, индюк ... — рассердился я.

На другой день ее не было в имоповском коридоре, и я испугался, не уехала ли она на свой берег.

Я стал ждать следующего дня и снова ходил по коридору туда и обратно, туда и обратно, как часовой на охране объекта. Я считал до ста, потом до двести, потом до триста и, наверное, дошел бы до миллиона, но она появилась.

Я увидел ее и так обрадовался, что кинулся к ней и что-то умильно залепетал, залепетал. Она улыбалась и смотрела на меня.

А я не знал, понимает она мои слова или нет. Исходя из того, что Джон рассказывал Ваське, а Васька мне, мой лиризм она должна была во всяком случае понять.

Эмэрж? — она показала на себя, как это делают дети. Я сразу понял: это ее имя, и я тоже должен назвать свое.

Хорошо, что я это понял, потому что я так переволновался, что даже сразу не мог вспомнить, как меня зовут. Но потом вспомнил, что мама меня зовет Тоша. Но в «Тоше» было что-то такое, что я не мог сказать девушке из джунглей.

Хорошо, что у меня было еще и другое имя, запасное — Антон. Но я все это очень долго вспоминал, и девушка сказала: «Не-ет?» Она наклонилась ко мне и так ласково-вопросительно повторила свое «Не-ет?», что я со всей поспешностью выкрикнул: «Антон!»

Эмэрж засмеялась, и я немножко успокоился. Она сказала: «Это надо вспоминат» и сразу же поправились: «запоминат». Мягкий знак ей почему-то не давался, но это было даже хорошо, все у нее получалось твердо.

С этого дня все изменилось в моей жизни. Все было также, и все по-другому. Теперь я точно знал, что в ИМОПе в пять часов я увижу ее, и даже когда я занимался, и мне казалось, я совсем не думаю о ней, я все время своей «подкоркой» думал о ней. Не то, что думал, а чувствовал — она есть, я ее увижу... И от этого испытывал ликующую радость.

Мы встречались каждый день и разговаривали, стоя у окна. Я знал 20–30 английских слов из житейского обихода, и все-таки мы понимали друг друга. Она хорошо ориентировалась в словарных дебрях, но еще лучше улавливала ход моих невысказанных мыслей. Когда я рассказывал об этом Ваське, продолжавшем мечтать о тайной методе быстрого постижения иностранных языков, он почти завидовал нам.

«Я думаю, — сказал он как-то, — тут решающую роль играет взаимное расположение». Догадался все-таки.

И хотя мне уже не нужна была его помощь, Васька по-прежнему старался узнать что-нибудь про Эмэрж. Он уверял, что она из последних индейцев одного из последних племен, вымирающих в редющих лесах Миссисипи.

— Представляешь, — говорил он, — такой талантливый народ, и, как я понял, нещадно зажат тисками жажды наживы алчных золо-

топромышленников. Кончается золотая россыпь, и их перегоняют на новое место строить хижины, бороться с ядовитыми змеями, тропической лихорадкой и кровожадными тиграми.

— А ты откуда знаешь?

— Она мне рассказывала.

Я не верил ему. Почему она мне этого не рассказывала? И вообще у нее был вполне веселый и совершенно не вымирающий вид.

«Надо Антон, им как-то помочь. Знаешь, пусть приезжают в Россию». Выходит, что Эмэрж ему доверяет больше, чем мне.

А Васька продолжал горячо:

— Знаешь, пусть правительство им выделит земли, как, например, русским немцам. Наши ребята-политехники отзовутся. Поедем на каникулах, поможем им строиться, благоустраиваться... Да они и сами с руками. За нашей помощью дело не станет. Как на стройки ездили раньше.

Всю ночь я думал о Васькиных словах. На другой день я шел в ИМОП с твердым намерением спросить у Эмэрж про то, что мне рассказывал Васька. Но она мне только сказала: «Дом далеко. Я тут должен грыз гранит науки. Так? Не-ет?» Она засмеялась, и ко мне сразу же вернулось веселое настроение. Наврал Васька.

Мы побежали с Эмэрж в университетский парк. Когда шли мимо тира, мне захотелось показать Эмэрж свое стрелковое мастерство. Эмэрж радовалась каждому моему удачному выстрелу.

— А леди не имеет желания попробовать это искусство? — спросил тирщик.

Эмэрж охотно согласилась. Она прищурила глаз и, почти не целясь, спустила курок. «В яблочко», — сказал тирщик. Она выстрелила еще и опять в цель. И опять.

Она выиграла массу ценных вещей: пластмассового Буратино, записную книжку, конверт с маркой, шоколадку.

Смеясь, она подарила часть выигранного мальчику, вертевшемуся в тире и с завистью смотревшему на Эмэрж. Отдала ему и Буратинку. Нам оставила баночку маринованных огурцов, которые я тут же открыл, и мы вместе их съели.

Шло последнее, самое напряженное предзащитное время, а я ни о чем не мог думать, кроме как об Эмэрж. Пока она была рядом, мне ничего больше было не надо. Но что будет после защиты? Как-то в парке, пользуясь безлюдьем, я попытался ее поцеловать, но она

выскользнула, как ящерица. И, отбежав, засмеялась. Больше я не решился повторить свой маневр.

Эмэрж часто приходила к нам с Васькой в обитель научной мысли. Она так легко и незаметно для нас умела придать этой нашей обители соответственный вид, сложив книги, поставив в стакан цветов.

Васька любил, когда приходила Эмэрж, он втайне все еще лелял мечту узнать ее методику быстрого пополнения словарного запаса иностранных языков.

Иногда Эмэрж приносила колбаску, какую-то дикую травку, растущую на пустыре, и готовила салат. В счастливые минуты мы горланили придуманные нами песни и много смеялись.

Но Эмэрж зачем-то надо было ехать в Москву. Я провожал ее на вокзал. Прощаясь, мы законно поцеловались.

С ее отъездом сразу стало пусто. Занимаясь по вечерам дома, я прислушивался к шагам за дверью. Прошел обещанный ею срок, а ее все не было.

Мне хотелось бросить все мои университетские дела и смотаться в столицу нашей Родины. Но Васька сказал: «Ты уедешь, а она придет... Кто любит, тот должен запастись терпением».

Я с удивлением посмотрел на него, что он может знать о любви. Дальше мы молча сидели, уткнувшись в книги.

Вдруг он озабоченно спросил:

— Она что-нибудь теплое взяла, в Москве десять градусов и дождь?

— А я откуда знаю, — сердито отозвался я.

В один из таких вечеров я вдруг услышал ее шаги. Они замерли у нашей двери, мы с Васькой одновременно подняли головы. Знакомый голос шаловливо крикнул нам: «Эй!»

Я бросился к двери и услышал, как Васька, вскочив, опрокинул стул. Я распахнул дверь и увидел живую Эмэрж. Я поднял ее, закружил и у самых своих глаз увидел ее зеленые, ярко блестящие, смеющиеся глаза.

Васька стал организовывать ужин. «Вы тут не умирали голодно?» — смеясь, говорила Эмэрж, вынимая из сумки пакеты.

Казалось, Эмэрж была прежней, но я заметил какую-то перемену в ней. Встретив мой взгляд, она сказала:

— Антон, что ты хочешь увидать? — Ты так изменилась.

— Все течет, все изменяется, — сказал Васька, увидев, что ей не нравится этот разговор.

Она заторопилась к себе: «Спат пора, ребята».

У меня осталось чувство надвигающейся беды. Я старался разгадать причину ее перемены и не мог. У нее есть какая-то своя, отдельная от меня жизнь, в которую она не хотела меня пускать. Я ревновал ее к этой жизни.

Но все-таки был уверен, что она любит меня, и говорил себе, что это главное, это самое главное. Но когда я на другой день сказал ей это, она улыбнулась как-то отстраненно и сказала коротко: «Не главное, Антони». Я волновался и хотел ей объяснить, как важно, что мы любим друг друга, но она сказала:

— Я буду ехать. Нам необходимо прощаться.

— Куда ехать, зачем? Оставайся со мной, Эмэрж!

— Мой дом далеко, Антони...

— Миссисипи?

— Какой Мисипи? Мой дом — мой Канэ...

— Это кто?

— Канэ? Отец отца.

— Нет, Эмэрж, ты будешь со мной. Мы вместе поедem ко мне домой в Курск. Мы с тобой запишемся...

— Какой «запишемся»?

— Мы поженимся и всегда будем вместе.

— Нон, о! Антони.

Жизнь моя рушилась. Но она приблизила свое лицо и, заглядывая мне в глаза, просительно смотрела на меня, и я снова стал надеяться... Я даже перестал ее слушать, только смотрел ей в глаза. И вдруг я услышал: «Всегда буду думать — как он там в России? Как он мой, который один для меня?»

Больше я слушать не мог: «Эмэрж, мы должны быть вместе... У нас есть самое главное — любовь!» Она снова заглянула мне в глаза, как только она одна умела: «Мой старый Канэ. Он мудрый человек... Ему верит мой народ... Нас мало, совсем мало. Канэ будет всех собирать... У нас нет места...»

Я перебил ее: «У нас много места!»

Она сказала: «Канэ думает: она уехала — она помощь привезет. Я должен ехать».

Мы долго ходили по городу, держась за руки. Накрапывал дождь. «Надо прощаться, Антони, — повторяла она. — Как говорю, так надо».

Она высвободила пальцы из моей руки и вскочила в троллейбус. Двери захлопнулись, и я увидел ее лицо, прильнувшее к стеклу, по которому струились дождевые потоки.

Вернулся я поздно. Дождь все еще лил. Васька молча посмотрел на меня, то ли укоризненно, то ли сочувственно. Впрочем, все, что происходило со мной, не имело никакого отношения к шагающим манипуляторам с дистанционным управлением.

Я не мог стащить с себя плащ. Васька помог. Потом стащил с моей ноги хлюпающий ботинок. «Что же ты не спрашиваешь?» — сказал я.

— А что спрашивать? Через полчаса автобус отходит от ИМОПа на аэродром.

— Ты откуда знаешь?

— Видел списки отъезжающих.

— Я поеду, — сказал я и стал снова натягивать на себя мокрую одежду.

— Денег у тебя нет. Загранпаспорта нет...

— Ерунда, — ответил я.

Васька вынул свои деньги. Я даже забыл поблагодарить. Потом он взял у меня из рук мой мокрый плащ и сунул свой, сухой.

Когда я примчался к ИМОПу, автобуса там не было. Окна были темными, только слабый огонек виднелся в вестибюле.

Я позвонил. Голос дежурного сурово прозвучал из-за стеклянных дверей:

— Чего надо?

— Автобус?

— Опоздал, батенька.

— Давно?

— Давно или недавно... Это ты, что ли, Антон? Размок, я вижу, под дождем. — Старик открыл дверь и, пропуская меня, приговаривал:

— Подумаешь, бедствие какое: опоздал на автобус, уедешь на следующем... Голова цела, копыта подбиты. Давай-ка день хвалить.

Он включил чайник, а я вдруг увидел за стеклом Ваську и обрадовался.

— Ну, как там Миссисипи? — спросил Васька очень серьезно, но сразу же улыбнулся.

— Вот и компания собралась, — сказал сторож.

Домой мы шли с Васькой, когда уже рассвело.

— Удивительная это вещь, любовь, — сказал он.

— А ты откуда знаешь? — насмешливо поглядел я на него и хотел было сострить что-то о шагающих роботах, но воздержался — такое грустное и серьезное было лицо у Васьки.

— Да так, понаслышке, — сказал он и отвернулся. Меня осенило: Эмэж! Но я не смог произнести ее имя вслух.

А Васька полушутливо, полусерьезно сказал: «Все равно, жить — это здорово».

И вдруг я услышал, как в нашем Политехническом парке радостно защелкал соловей.